

Взор

КОРОНА над  
Сибирью

Максим Взор

**Корона над Сибирью**

«Автор»

2026

**Взор М.**

Корона над Сибирью / М. Взор — «Автор», 2026

Екатеринбург, июль 1918 года. Дом Ипатьева. Часы в столовой останавливаются на тринадцати минутах второго. Бывший император Николай Романов знает: решение об их судьбе уже принято. Но в буханке хлеба спрятана записка, а среди охраны — те, кто устал стоять на пороге могилы. В ночь пожара семья исчезает в старом тоннеле...

© Взор М., 2026

© Автор, 2026

# Максим Взор

## Корона над Сибирью

### Глава 1. Часы, которые остановились

Часы в столовой остановились в тринадцать минут второго.

Николай заметил это не сразу. Сначала ему показалось, что утро просто движется медленнее обычного. В доме давно исчезло настоящее время. Осталось время дежурств, время шагов за дверь, время мисок с жидким супом, время коротких прогулок за высоким забором.

Но стрелки действительно не двигались.

— Опять сломались? — спросила Анастасия.

Она сидела у окна и пыталась разглядеть улицу сквозь покрашенное стекло. Свет падал на её лицо узкой молочной полосой.

— Вчера шли, — ответила Ольга.

Николай поднялся и прислушался. Тиканья не было.

Дом без часов показался ему страшнее дома с решётками. Решётка признаёт существование мира снаружи. Остановившиеся часы утверждают, что никакого мира больше нет.

— Папа, ты опять смотришь так, будто часы в чём-то виноваты, — сказала Мария.

Николай улыбнулся.

— Вещи редко бывают виноваты. Люди часто перекладывают на них свою вину.

Александра подняла голову. В последние дни она особенно внимательно следила за каждым его словом, словно в обычной фразе могло скрываться решение, которого он не решался объявить.

За дверь прошли двое. Один шагал тяжело, с ударом каблука. Другой шаркал левой ногой. Николай уже различал охранников по походке. Он знал, кто кашляет перед тем, как войти, кто пахнет махоркой, кто не смотрит в глаза, а кто, напротив, смотрит слишком долго.

Дверь открылась.

На пороге стоял молодой караульный по фамилии Рыбин. Николай видел его всего несколько раз. Рыбин поставил на стол корзину с хлебом и молоком, пересчитал присутствующих и задержал взгляд на часах.

— Не идут, — произнёс он.

— Мы заметили, — ответил Николай.

Рыбин переступил с ноги на ногу.

— Иногда остановившиеся часы показывают правильное время.

Он сказал это спокойно, почти без выражения, и вышел.

Анастасия первой подошла к корзине.

— Наш философ принёс нам хлеб.

Она взяла верхнюю буханку, но Ольга вдруг перехватила её руку.

Из трещины в корке торчал край серой бумаги.

Николай достал записку. На ней было всего три строки:

**«Сегодня ночью часы снова пойдут.**

**Когда услышите тринадцатый удар, спускайтесь в кладовую.**

**Не берите ничего, что звенит».**

— Это ловушка, — сказала Александра.

Её лицо осталось неподвижным, но пальцы крепко сжали край стола.

— Возможно, — согласился Николай.

— Тогда мы сожжём записку и забудем.

— А если нет?

— Нас семеро. Алексей не может быстро идти. Куда мы побежим? По улицам? Через посты? В лес?

Алексей сидел в кресле у стены. Он делал вид, что читает, однако Николай видел: сын не перевернул страницу ни разу.

— Я смогу идти, — сказал он.

— Тебе нельзя, — ответила Александра.

— Мне много чего нельзя. Но если мы останемся, мне тоже, кажется, будет нельзя.

После этих слов никто не заговорил.

Николай подошёл к окну. Под слоем белой краски угадывался солнечный день. Где-то за забором проехала телега. Закричала женщина. Засмеялся ребёнок. Город продолжал жить совсем рядом, не подозревая, что в этом доме семь человек выбирают между вероятной ловушкой и почти несомненной гибелью.

Николай вспомнил длинные коридоры дворца, доклады министров, парады, бесконечные бумаги. Когда-то ему казалось, что решение становится правильным, если долго его обдумывать. Позднее он понял: промедление тоже является решением, только принятым молча.

— Мы пойдём, — сказал он.

Александра закрыла глаза.

— Ты уверен?

— Нет.

— Тогда почему?

— Потому что в последние годы я слишком часто ждал уверенности.

Он разорвал записку на мелкие части и бросил их в остывшую печь.

Весь день дом был непривычно тих. Охрана несколько раз менялась. Во дворе спорили. Ближе к вечеру откуда-то донёсся запах дыма.

В половине двенадцатого свет погас.

А в полночь остановившиеся часы начали бить.

Один раз.

Второй.

Третий.

После двенадцатого удара наступила пауза.

Николай взял Алексея на руки.

И тогда часы ударили в тринадцатый раз.

## **Глава 2. Под Вознесенской горкой**

В кладовой пахло мукой, керосином и сырым деревом.

Татьяна закрыла дверь. Ольга держала подсвечник, прикрывая огонь ладонью. В дальнем углу стояли мешки, ящики и старая железная печь. Никакого выхода видно не было.

— Нас обманули, — прошептала Александра.

В коридоре слышались голоса.

Николай опустил Алексея на пустой ящик и начал отодвигать мешки. За ними оказалась кирпичная стена. Он провёл рукой по кладке. Один кирпич был холоднее других.

Николай нажал на него.

Часть стены бесшумно отворилась.

За ней стоял Рыбин. В руке он держал револьвер, направленный в пол.

— Быстро, — сказал он. — Пожар отвлечёт их ненадолго.

— Кто вы? — спросил Николай.

— Сейчас это неважно.

— Для меня важно.

— Тогда считайте меня человеком, которому надоело охранять дверь в могилу.

Из глубины тоннеля появился второй мужчина — высокий, седой, в железнодорожной шинели.

— Григорий Соколов, инженер путей сообщения, — представился он. — Вопросы зададите в поезде, если до него доберёмся.

Снаружи раздался выстрел.

Александра вздрогнула. Анастасия крепко взяла её за руку.

Проход был узким. Сначала пошёл Соколов с фонарём, за ним Татьяна и Ольга. Николай снова поднял Алексея. Мальчик был лёгким, почти невесомым, но через несколько десятков шагов отец почувствовал, как начинают неметь руки.

Тоннель уходил вниз. Под ногами хлюпала вода. Кирпичные стены сменились досками, затем голой землёй.

Над головой что-то глухо ударило.

— Они обнаружили кладовую, — сказал Рыбин.

— Откуда ведёт ход? — спросила Ольга.

— К старой хозяйственной постройке за соседним двором.

— Там тоже охрана.

— Была.

Рыбин произнёс это так, что новых вопросов никто не задал.

Через несколько минут Алексей тихо застонал. Николай остановился.

— Поставь меня, папа.

— Ещё немного.

— У тебя руки дрожат.

— От холода.

— Здесь тепло.

Даже сейчас сын не позволял ему лгать.

Николай поставил его на землю. Татьяна достала из-под одежды полотняную перевязь. Они закрепили больную ногу, и Алексей, опираясь на плечо отца, сделал несколько шагов.

Сзади донёсся металлический скрежет.

— Они открыли стену, — сказал Рыбин. — Идите. Я задержу.

— Ты пойдёшь с нами, — приказал Николай.

Рыбин усмехнулся:

— Ваши приказы здесь больше ничего не значат.

Слова прозвучали жёстко, но без злобы.

Николай посмотрел ему в лицо. Караульному едва исполнилось двадцать пять. На щеке у него темнело родимое пятно.

— Тогда я прошу вас.

На мгновение Рыбин растерялся.

— Выведите семью, — ответил он. — Это всё, о чём можно просить.

Он развернулся и пошёл назад.

Через несколько секунд тоннель содрогнулся. Свет фонаря погас, сверху посыпалась земля. Александра вскрикнула. Соколов чиркнул спичкой.

Проход позади них обрушился.

Николай ничего не сказал. Он не знал, погиб Рыбин или остался по другую сторону завала. В прежней жизни он мог бы приказать выяснить это. Теперь ему оставалось только помнить.

Они выбрались наружу под навесом заброшенной мастерской. Над крышами поднималось багровое зарево. Горел склад в двух кварталах от дома.

Во дворе стояла телега с бочками. Рядом их ждала женщина в сером платке.

— Варвара Туманова, фельдшер, — сказала она. — Женщины наденут санитарные халаты. Мужчины полезут в бочки.

— В бочки? — переспросил Николай.

— Они пустые. Если хотите ехать с удобствами, придётся вернуться.

Анастасия неожиданно рассмеялась. Сначала тихо, затем почти безудержно.

— Простите, — сказала она. — Просто папа никогда не путешествовал в бочке.

— Для всего бывает первый раз, — сухо ответила Варвара.

Через четверть часа телега выехала со двора.

На ближайшем перекрёстке её остановил патруль.

— Что везёте?

— Спирт для госпиталя, — сказала Варвара.

— Проверим.

Один из караульных подошёл к бочке, в которой сидел Николай, и ударил прикладом по крышке.

Внутри было темно. Пахло смолой. Николай слышал собственное дыхание и далёкий звон колокола.

Крышка приподнялась.

В щели показался человеческий глаз.

### Глава 3. Поезд без номера

Караульный смотрел внутрь несколько секунд.

Затем опустил крышку.

— Пустая, — сказал он.

Николай не сразу понял, почему их не обнаружили. Позднее Варвара объяснила, что бочки имели двойные стенки. Проверяющий увидел лишь неглубокий резервуар, на дне которого плескалось немного медицинского спирта.

Телега добралась до товарной станции перед рассветом.

На дальнем пути стоял короткий состав: паровоз, два товарных вагона и старый санитарный вагон с закрасненными окнами. Номера на бортах были замазаны известью.

Соколов встретил беглецов у насыпи.

— Рыбин? — спросил Николай.

Инженер покачал головой:

— Ничего не знаю.

Семью разместили в санитарном вагоне. Там находились узкие койки, шкаф с лекарствами и стол, привинченный к полу. На дверях висела табличка: **«Эвакуация тифозных больных»**.

— Никто не захочет нас осматривать, — сказала Варвара. — Но если захочет, начинайте кашлять.

Она раздала всем документы.

Николай стал землемером Николаем Берёзкиным. Александра — его больной женой Анной. Великие княжны превратились в сестёр милосердия. Алексей числился сыном умершего железнодорожного мастера.

Мальчик долго рассматривал свою бумагу.

— Значит, мой отец умер?

— По документам, — ответил Николай.

— А кем ты мне приходишься?

— Никем.

Алексей нахмурился:

— Странно. Раньше ты был отцом и государем. Теперь не являешься ни тем ни другим.

— Отцом я останусь без всяких документов.

— А государем?

Николай посмотрел на пустую строку под вымышленной фамилией.

— Это нам ещё предстоит понять.

Поезд тронулся без свистка.

Екатеринбург медленно поплыл за окнами: склады, водонапорная башня, крыши, над которыми всё ещё висел дым. Никто не произнёс ни слова. Даже Анастасия не пыталась шутить.

Николай ждал, что почувствует облегчение. Вместо него пришло странное ощущение пустоты. Дом, которого он боялся, оставался позади. Но вместе с ним исчезала последняя определённости.

Соколов разложил на столе карту.

— Основные дороги перекроют. Поэтому сначала идём на северо-восток, затем меняем направление. Если всё получится, через шесть дней будем в Омске.

— Почему Омск? — спросила Александра.

— Там собираются силы, способные вас защитить.

— Чьи силы?

Соколов посмотрел на Николая:

— Людей, которые ещё помнят присягу.

— Присягу кому? — спросил Николай.

Инженер не ответил.

В полдень состав остановился у маленького полустанка. Паровозу требовалась вода. Снаружи раздались голоса, потом в вагон вошла Варвара.

— По всем линиям передано описание семьи. Пока без имён. Сообщается о группе опасных преступников, бежавших из-под стражи.

— Хорошо, что не император, — заметила Анастасия.

— До шуток ли сейчас? — одёрнула её Александра.

— Именно сейчас и до шуток, мама. Потом может стать поздно.

На платформе появился человек в кожаной куртке. Он беседовал с машинистом, поглядывая на санитарный вагон.

Соколов побледнел:

— Ветров.

— Кто это? — спросил Николай.

— Человек, который должен был узнать о побеге только утром.

Ветров поднялся в вагон.

Он был невысок, худ и почти лыс. От левого виска к подбородку тянулся красный шрам. В одной руке он держал документы, в другой — серебряные карманные часы.

— Санитарный эшелон? — спросил он.

— Тиф, — сказала Варвара. — Не советую задерживаться.

Ветров усмехнулся:

— Я не боюсь болезней.

Он медленно прошёл вдоль коек. Александра лежала лицом к стене. Девушки опустили головы. Алексей был спрятан в нижнем шкафу для белья.

Ветров остановился перед Николаем.

— Ваша фамилия?

— Берёзкин.

— Род занятий?

— Землемер.

— Руки покажите.

Николай протянул ладони.

Ветров осмотрел их и провёл ногтем по мозоли от пилы, появившейся ещё во время заключения.

— Странные руки для землемера.

— Землемеры тоже работают.

— Все работают, — сказал Ветров. — Особенно когда прежняя жизнь заканчивается.

Он открыл серебряные часы. Они показывали тринадцать минут второго.

Николай узнал их. Часы стояли в столовой дома.

— Нашёл сегодня ночью, — пояснил Ветров. — В одном опустевшем помещении.

Состав дёрнулся. За стеной зашипел пар.

Несколько мгновений Ветров и Николай смотрели друг на друга.

Затем комиссар захлопнул крышку часов.

— Документы в порядке, гражданин Берёзкин. Счастливого пути.

Он сошёл на платформу.

Когда поезд тронулся, Соколов подошёл к окну.

Ветров стоял возле станционного столба и не пытался их остановить.

— Он знает, — сказал инженер.

Николай тоже смотрел на удаляющуюся фигуру.

— Да.

— Почему тогда отпустил?

— Потому что хочет узнать, куда мы едем.

#### **Глава 4. Чужие имена**

Через два дня поезд остановился у станции Лебяжье.

На путях стояло несколько брошенных вагонов. Ветер носил по платформе клочки газет. Вывеска над входом в станционное здание висела на одном гвозде.

Машинист сообщил, что впереди разобран участок полотна. Ремонт мог занять несколько часов.

— Из вагона не выходить, — распорядился Соколов.

Через пять минут Анастасия исчезла.

Её обнаружили возле водокачки. Она разговаривала с девочкой лет десяти и кормила её хлебом.

— Ты понимаешь, что делаешь? — сердито спросила Ольга.

— Кормлю ребёнка.

— Тебя могут узнать.

— Она меня не узнала.

— Другие узнают.

Девочка испуганно смотрела на сестёр.

— Мы из санитарного поезда, — сказала ей Ольга. — Возвращайся домой.

— У меня нет дома.

Анастасия отдала ей остаток хлеба.

В этот момент у станционного здания поднялся шум. Двое вооружённых людей вывели на платформу пожилого железнодорожника. За ними шёл начальник станции.

— Вредитель! — кричал начальник. — Из-за него путь разобран!

— Шпалы сгнили, — отвечал железнодорожник. — Я ещё весной докладывал.

— Ты нарочно задержал эшелон.

Один из конвоиров ударил старика. Тот упал на колени.

Николай увидел происходящее из дверей вагона. Он не собирался вмешиваться. У него была семья, вымышленные документы и человек со шрамом, следовавший где-то позади.

Он повторил это про себя трижды.

Затем сошёл на платформу.

— Поднимите его, — сказал Николай.

Начальник станции обернулся:

— Ты кто такой?

— Землемер Берёзкин.

— Тогда измеряй землю и не лезь.

— Если человек предупреждал о гнилых шпалах, его следует выслушать.

— Следует?

Начальник подошёл ближе.

— Ты, часом, не начальство?

— Нет.

— А разговариваешь как начальство.

Николай почувствовал, что за его спиной собрались люди. Александра стояла в дверях вагона. На её лице читалось не столько беспокойство, сколько усталое понимание: она знала, что он не сможет пройти мимо.

— Покажите журнал осмотра путей, — сказал Николай.

— Какой ещё журнал?

— Тот, в котором должны быть записаны предупреждения.

Старый железнодорожник поднял голову:

— В конторе. Верхний ящик. Запись от двадцать шестого апреля.

Начальник станции побледнел.

Соколов появился неожиданно. Он оттеснил Николая в сторону, вошёл в здание и вскоре вернулся с журналом. Запись действительно существовала.

Рабочие начали перешёптываться. Конвоиры отпустили старика.

Начальник станции отступил:

— Разберёмся.

— Вы уже разобрались, — сказал Николай.

Соколов схватил его за локоть и повёл к вагону.

— Вы погубите всех, — прошипел он.

— За то, что попросил открыть журнал?

— За то, как вы это сделали. Люди забывают лицо, но помнят голос. Вы говорили не как землемер.

В вагоне Александра ждала мужа у окна.

— Доволен? — спросила она.

— Человека отпустили.

— А если теперь арестуют нас?

— Я не мог ничего не сделать.

— Мог. Ты сделал это со множеством других людей. Почему этот оказался особенным?

Николай замер.

Александра сразу пожалела о сказанном, но не отвела взгляда.

— Прости, — произнесла она. — Однако ты больше не один. Никогда не был один, но теперь хотя бы должен это понимать.

— Я понимаю.

— Нет. Ты пытаешься спасти каждого встречного, потому что надеешься таким образом изменить прошлое.

Он хотел возразить, но не нашёл слов.

Поезд тронулся только к вечеру. Когда Лебяжье осталось позади, Татьяна принесла Николаю свёрнутую газету.

— Мне передал тот старик.

Внутри лежал железный ключ и записка:

**«В Омске не доверяйте человеку, который первым назовёт вас государем».**

Ни подписи, ни объяснения не было.

А внизу, под последней строкой, кто-то нарисовал маленький якорь.

## Глава 5. Белый Омск

Омск встретил их колокольным звоном.

Звонили не в честь прибывшего императора. О его появлении город ещё не знал. Колокола созывали людей на похороны какого-то генерала, имя которого Николай не расслышал.

Семью вывели из вагона до рассвета. На перроне их ожидали закрытые автомобили. Соколов приказал не поднимать шторы.

Но Анастасия всё равно нашла щель.

— Здесь столько людей, — прошептала она.

Город был переполнен. По тротуарам шли военные, чиновники, купцы, сестры милосердия, беженцы с узлами. На перекрёстках висели объявления. Возле булочной стояла длинная очередь.

Одни стены украшали старые двуглавые орлы, с которых содрали короны. На других кто-то снова нарисовал короны углём.

Автомобили остановились у большого купеческого дома. Романовых провели через заднюю дверь. Внутри было тепло, пахло воском и свежим хлебом.

В гостиной их ждали около двадцати человек.

Когда Николай вошёл, все одновременно встали.

Первым к нему подошёл тучный господин с седыми бакенбардами. Он опустился на одно колено.

— Ваше Императорское Величество!

Николай вспомнил записку.

**Не доверяйте человеку, который первым назовёт вас государем.**

— Встаньте, — сказал он.

— Государь, свершилось чудо. Россия вновь обрела своего помазанника.

— Россия пока не знает, что я жив.

— Сегодня узнает.

— Нет.

Тучный господин растерянно поднялся:

— Но народ ждёт.

— Как вас зовут?

— Князь Оболенский.

— Откуда вам известно, чего ждёт народ?

Князь покраснел:

— Я говорю о верных людях.

— Верных кому?

В комнате стало тихо.

Из-за дальней колонны вышел худощавый офицер в чёрном мундире. На его плечах лежала шинель. Он не поклонился и не протянул руки.

— Именно этот вопрос, Николай Александрович, нам и придётся решить.

Говорил он негромко, но все немедленно повернулись к нему.

— Адмирал Колчак, — представился Соколов.

Николай ожидал увидеть иного человека. Более тяжёлого, громкого, демонстративного. Колчак оказался почти неподвижным. Только глаза выдавали напряжение, словно он постоянно всматривался в горизонт, невидимый остальным.

Александра шагнула вперёд:

— Вы знали о нашем побеге?

— Я знал о возможности операции.

— Кто её организовал?

— Люди, часть которых вам лучше никогда не знать.

— Рыбин? — спросил Николай. — Молодой охранник.

— Жив, — ответил Колчак. — Насколько мне известно.

Николай впервые за несколько дней глубоко вдохнул.

Колчак заметил это.

— Вы радуетесь спасению одного человека, хотя ваше появление уже поставило под угрозу тысячи.

— Вы говорите так, будто жалеете, что нас вывели.

— Я ещё не решил.

Оболенский возмущённо кашлянул:

— Господин адмирал!

Колчак даже не посмотрел в его сторону.

— Город должен узнать правду, — сказал князь. — Немедленно.

— Если город узнает сегодня, — ответил Колчак, — завтра половина потребует восстановления престола, а другая половина обвинит нас в заговоре. Послезавтра каждый командующий начнёт выбирать, чьи приказы ему исполнять.

— Приказы законного государя!

— Николай Александрович отрёкся от престола.

Слово прозвучало резко.

Все посмотрели на бывшего императора.

Николай подумал, что в прежние времена ни один офицер не осмелился бы произнести это таким тоном. Станным образом прямо Колчака не оскорбила его. После месяцев слухов, намёков и притворного почтения честная неприязнь казалась почти роскошью.

— Вы хотите, чтобы я снова стал императором? — спросил Николай.

— Нет.

— Хотите, чтобы я отказался от любых притязаний?

— Этого недостаточно. Ваше имя будет действовать независимо от ваших желаний.

— Тогда зачем меня спасли?

Колчак посмотрел на него.

— Возможно, чтобы вы впервые сами ответили на этот вопрос.

## **Глава 6. Адмирал**

Их разговор начался после полуночи.

Колчак выбрал небольшую комнату на втором этаже. На столе стояли лампа, графин воды и карта Сибири. За окном шумел ветер.

Николай пришёл один. Колчак тоже отпустил сопровождающих.

Несколько минут они молча изучали карту.

— Она слишком велика, — сказал Николай.

— Сибирь?

— Страна.

— Пространство не является недостатком.

— Для человека, пытающегося им управлять, является.

Колчак провёл пальцем по железнодорожной линии:

— Ею и не нужно управлять из одной комнаты. Нужно, чтобы приказы выполнялись на местах.

— А если приказ ошибочен?

— Следует отдать новый.

— Если успеете.

— Колебание убивает быстрее ошибки.

Николай поднял глаза:

— Вы всегда так уверены?

— Нет. Но люди, находящиеся под моим командованием, не обязаны знать о каждом моём сомнении.

— Тогда они подчиняются не вам, а изображению человека, который никогда не сомневается.

— Иногда изображение полезнее человека.

— Мне это известно.

Колчак понял намёк, но промолчал.

Николай подошёл к окну. На противоположной стороне улицы горел одинокий фонарь.

Под ним стоял часовой.

— Чего вы хотите от меня? — спросил Николай.

— Письменного заявления. Вы подтверждаете отречение и обещаете не принимать участия в борьбе за власть. Затем ваша семья отправляется дальше на восток.

— Куда?

— Во Владивосток. После этого за границу.

— Вы предлагаете мне снова бежать.

— Я предлагаю вам остаться в живых.

— А вам моё заявление даст свободу действий.

— Да.

Колчак не пытался скрывать очевидное.

— Оболенский и его люди не согласятся, — сказал Николай.

— Оболенский согласится с тем, что позволит ему сохранить влияние.

— Вы ему не доверяете?

— Я не доверяю человеку, который преклоняет колено быстрее, чем успевает узнать, чего от него потребуют.

Николай вспомнил записку с якорем.

— Это вы передали предупреждение на станции?

— Нет.

Колчак ответил слишком быстро.

— Значит, кто-то знал, что мы встретимся.

— Многие знали, что вы движетесь на восток.

— Ветров?

На лице адмирала ничего не изменилось.

— Вы его видели?

— Он вошёл в наш вагон и отпустил нас.

— Значит, хотел, чтобы вы приехали сюда.

— Именно.

Колчак подошёл к карте.

— Тогда Омск уже стал частью его замысла.

— А мы?

— Мы, вероятно, должны сыграть предназначенные нам роли. Вы — воскресший государь. Я — честолюбивый военный, желающий избавиться от законного правителя.

— Разве это не похоже на правду?

Колчак резко повернулся:

— А вы хотите вернуть престол?

Николай не ответил.

— Видите? — продолжил адмирал. — Даже вы не знаете.

— Зато вы знаете всё.

— Я знаю, что в нынешнем положении два верховных символа власти не могут существовать рядом.

— Вы уже считаете себя верховным?

— Я считаю, что кто-то должен принимать решения.

— И этим человеком непременно должны быть вы?

— Если найдётся более способный, я подчинюсь ему.

— Кто будет определять его способности?

— Результат.

Николай усмехнулся:

— Удобный судья. Он выносит приговор, когда уже поздно что-либо исправлять.

Колчак сжал край стола.

— Вы имели власть, Николай Александрович. Огромную власть. Вы получили её по праву рождения и теперь рассуждаете о недостатках тех, кто вынужден завоёвывать право отдавать приказы.

— Именно потому, что я имел власть, я знаю её цену.

— Нет. Вы знаете цену её потери.

Слова повисли между ними.

За окном прошёл конный патруль. Лошадиные копыта несколько секунд гулко стучали по мостовой, затем звук растворился в ночи.

Николай налил воду, но не стал пить.

— Сегодня я не подпишу ваше заявление.

— Тогда утром я изолирую вас от всех посетителей.

— И чем это будет отличаться от Екатеринбурга?

— Там вас охраняли, чтобы убить. Здесь будут охранять, чтобы не дать другим использовать вас.

— Для заключённого разница невелика.

— Для живого человека — огромна.

Николай направился к двери.

— Я дам вам три дня, — сказал Колчак.

— А потом?

— Потом решение приму я.

Николай остановился:

— Именно в этом наша главная разница, адмирал. Вы думаете, что всякая нерешительность является слабостью.

— А вы думаете, что всякая слабость может называться милосердием.

Они посмотрели друг на друга.

В ту ночь оба поняли, что союз между ними почти невозможен.

И именно поэтому он становился неизбежным.

## Глава 7. Две России

На следующее утро в Омске появились листовки.

Их разбрасывали на рынках, расклеивали возле церквей, оставляли в вагонах и передавали из рук в руки. К полудню весь город повторял одну фразу:

**«Государь спасён и находится среди верных войск».**

Под текстом стояла подпись Николая.

Сам он увидел листовку за завтраком.

— Это не моя подпись, — сказал Николай.

Колчак, стоявший у окна, взял бумагу.

— Подделка хорошая.

— Я никогда не подписывался «Николай Второй» словами.

— Большинство людей этого не знает.

Из коридора доносились голоса. Перед домом собиралась толпа. Одни требовали показать императора. Другие кричали, что известие является обманом.

— Нужно выйти к ним, — сказал Николай.

— Нет, — ответил Колчак.

— Если я не выйду, слухов станет больше.

— Если выйдете, слух превратится в знамя.

— Людям следует сообщить правду.

— Какую именно? Что бывший император жив? Что он не знает, хочет ли вернуть престол? Что его семья находится под охраной военных, которые сами ещё не решили, считать его гостем или пленником?

— По крайней мере, это будет честно.

— Толпа не приходит за честностью. Она приходит за ответом.

— А вы всегда готовы дать ей ответ?

— Если от этого зависит порядок — да.

Николай подошёл к нему:

— Тогда скажите: какой России вы хотите?

Колчак бросил листовку на стол.

— Такой, в которой закон исполняется, железные дороги работают, армия подчиняется командованию, а человек может быть уверен, что завтра его дом останется его домом.

— Вы описываете порядок, а не страну.

— Без порядка страны не существует.

— Существует. В памяти людей, в языке, в семьях, в том, что они считают справедливым.

— Памятью нельзя топить паровозы.

— А приказами нельзя заставить людей доверять вам.

— Доверие приходит после победы.

— Нет, адмирал. После победы приходит страх проигравших. Доверие возникает раньше — или не возникает никогда.

Колчак шагнул к карте.

— Вы хотите примирить всех. Тех, кто служил вам, тех, кто сверг вас, тех, кто охранял вас, и тех, кто пытался спасти. Это красивые слова. Но пока вы будете их примирять, каждый из них вооружится против остальных.

— А вы хотите сначала заставить всех замолчать, а потом спросить, согласны ли они.

— Иногда тишина необходима, чтобы услышать ответ.

— В тишине люди говорят только то, что от них хотят услышать.

Колчак резко свернул карту.

— Вот поэтому у нас ничего не получится.

— Возможно.

— Вы это признаёте?

— Да.

Ответ обескуражил адмирала сильнее возражения.

Снаружи раздался звон разбитого стекла. Затем кто-то закричал. Караульные захлопнули ставни.

В комнату вошёл Соколов.

— Толпа прорвала первый кордон. Среди людей распространяют ещё одну листовку.

Он протянул бумагу. На ней было написано:

**«Адмирал намерен тайно вывезти государя и уничтожить законную династию».**

Колчак побледнел от гнева.

— Приказать очистить площадь.

— Каким способом? — спросил Соколов.

Адмирал не ответил сразу.

Николай подошёл к двери:

— Я выйду.

Колчак перегородил ему дорогу.

— Вы не понимаете, что произойдёт.

— Понимаю. Если спрячусь, кто-то заговорит от моего имени.

— Вы можете не вернуться.

— Я уже однажды потерял страну, пытаюсь сохранить себя для правильного момента.

— Вы думаете, несколько слов остановят толпу?

— Не знаю.

— Опять не знаете.

— Да. Но пойду всё равно.

Они стояли друг напротив друга. За стеной гремела площадь.

Наконец Колчак застегнул мундир.

— Тогда я иду с вами.

— Зачем?

— Чтобы никто не решил, будто вы мой пленник.

— А если решат, что я ваш государь?

Колчак открыл дверь:

— Тогда нам обоим придётся их разочаровать.

Они вышли на балкон вместе.

Площадь замерла не сразу. Крики прокатывались по ней волнами. Затем кто-то увидел Николая, и шум начал стихать.

Он стоял без мундира, без наград, в простом сером костюме. Рядом с ним находился адмирал в чёрной форме.

Два человека, две власти, две несовместимые надежды.

— Я жив, — произнёс Николай.

Его голос оказался тише, чем он ожидал. Но площадь услышала.

— Моя семья жива. Листовки, которые распространяются от моего имени, лгут. Я не призывал возвращать мне престол. Я не отдавал приказов. И я не позволю никому прикрываться моим именем.

В толпе закричали:

— Государь!

— Кто теперь правит?

— Скажите, что нам делать!

Николай молчал.

Этот вопрос преследовал его всю жизнь. Раньше он отвечал на него указами, назначениями и манифестами. Теперь впервые должен был ответить без власти.

— Не верьте человеку только потому, что он обещает решить всё за вас, — сказал Николай. — Даже если этим человеком буду я.

По площади пронёсся растерянный гул.

Колчак наклонился к нему:

— Вы понимаете, что только что сделали?

— Впервые — да.

На соседней крыше блеснуло стекло.

Колчак увидел это первым. Он толкнул Николая на пол. Пуля разбила балконную дверь. Караульные бросились вверх. Толпа заволновалась. С площади снова донеслись крики. Николай поднялся. Осколок рассёк ему щёку. Колчак стоял рядом, закрывая его собой.

— Теперь вы мой должник, — сказал адмирал.

— Боюсь, Россия плохо кончает с людьми, которым я должен.

Колчак коротко усмехнулся.

В комнате Соколов нашёл привязанный к пуле клочок бумаги. На нём было написано:

**«Один из вас погубит другого. Осталось решить, кто сделает первый шаг».**

Под посланием стояла буква В.

Колчак протянул Николаю руку.

— Три дня отменяются. Нам придётся действовать вместе.

— До тех пор, пока вы снова не решите всё единолично?

— До тех пор, пока вы снова не начнёте сомневаться.

Николай пожал протянутую руку.

— Значит, союз будет недолгим.

— Другого у нас нет.

Внизу продолжала шуметь площадь. Над крышами Омска плыл колокольный звон. Два человека, не доверявшие друг другу и по-разному видевшие будущее, заключили соглашение, способное изменить историю.

А на другом конце города Арсений Ветров слушал доклад своего связного и заводил серебряные часы.

Стрелки показывали тринадцать минут второго.

На этот раз часы шли.

### **Глава 8. Тринадцатая минута**

Рукопожатие длилось недолго, но Николаю показалось, что за эти несколько секунд каждый из них успел дать больше обещаний, чем мог исполнить.

Колчак первым разжал пальцы.

— Комнату закрыть, — приказал он Соколову. — Никого не выпускать из здания. Проверить окна, крышу, двор. Пулю не трогать голыми руками.

— Уже поздно, — заметил Николай. — Вы её подняли.

Адмирал взглянул на свою ладонь, словно только теперь вспомнил об этом.

— Если она отравлена, у нашего союза будет самая короткая история в мире.

— Зато законченная.

Колчак усмехнулся, но глаза его остались холодными.

За дверью загрохотали сапоги. По коридорам разнеслись команды. Дом, ещё минуту назад казавшийся мёртвым, ожил, наполнился звоном оружия, скрипом половиц и тревожными голосами.

Соколов подошёл к окну. Стекло было пробито аккуратно, почти по центру. Он опустился на колено, осмотрел подоконник и пол.

— Стреляли с колокольни, — сказал он. — Или с крыши соседнего дома.

— В кого? — спросил Николай.

— Если бы хотели убить, не промахнулись бы. Пуля пришла точно между вами.

Колчак положил клочок бумаги на стол.

— Значит, это приглашение.

— На что?

— На ошибку.

Николай ещё раз прочитал послание: «Один из вас погубит другого. Осталось решить, кто сделает первый шаг».

Буква «В» была выведена особенно тщательно. Не подпись, а знак. Автор хотел, чтобы его узнали.

— Ветров, — сказал Колчак.

— Вы уверены?

— Он любит представления. Когда-то этот человек служил при дворе, потом исчез. Позднее объявился среди тех, кто торговал сведениями сразу со всеми. Он не верит ни в присягу, ни в благодарность, ни в будущее. Он верит только в слабость людей.

— Удобная вера. Она почти всегда подтверждается.

— Вы его знали?

Николай повернулся к тёмному окну.

— Видел дважды. Возможно, трижды. При дворе было много лиц, которые замечаешь только после того, как они исчезают.

С улицы донёсся крик. Затем ещё один. Кто-то побежал через двор.

Соколов распахнул дверь. На пороге появился молодой офицер. Он тяжело дышал, на воротнике таял снег.

— Ваше высокопревосходительство, с колокольни ушёл человек. Часовой пытался остановить. Тот бросил дымовую шашку и скрылся во дворах.

— Описание?

— Высокий, в сером пальто. Лица не рассмотрели.

Колчак поморщился.

— В этом городе половина мужчин высокие и ходят в серых пальто.

Офицер не уходил.

— Что ещё? — спросил Соколов.

— В доме пропал телеграфист.

Колчак резко обернулся.

— Когда?

— Дежурил внизу. Теперь комната пуста. Аппарат работает.

— Какие сообщения переданы?

— Проверяем.

Офицер наконец исчез. Колчак подошёл к двери, но Николай удержал его.

— Если Ветров хотел, чтобы вы бросились вниз, значит, наверху осталось что-то важное.

— Или он рассчитывает, что мы именно так подумаем.

— В таком случае мы уже играем по его правилам.

— А вы предлагаете не играть?

— Предлагаю изменить игру.

Они осмотрели комнату снова. Небольшой стол, четыре стула, железная печь, карта Сибири на стене. На первый взгляд спрятать здесь что-либо было негде.

Николай остановился у карты.

Булавками на ней были отмечены города и железнодорожные станции. Красные, чёрные, белые флажки. Через весь материк тянулась тонкая линия дороги. Некоторые участки были перечёркнуты синим карандашом.

— Ваша карта? — спросил Николай.

— Составлена моим штабом.

— Почему Иркутск отмечен дважды?

Колчак приблизился. Над названием города торчали две булавки: чёрная и серебряная.

— Серебряных у нас нет.

Соколов осторожно вынул чужую булавку. На её конце оказался свёрнутый в трубочку листок.

Колчак развернул его.

На бумаге было всего три слова:

**«Семья уже выбрана».**

Николай побледнел.

Он вышел в коридор так быстро, что Соколов едва успел преградить ему путь.

— Государь, нельзя. Дом ещё не проверен.

— Моя семья находится в губернаторском особняке?

Колчак не ответил сразу.

— Отвечайте!

— Да. Под усиленной охраной.

— Кто знает точный адрес?

— Достаточно людей.

— Тогда мы едем туда.

— Нет.

Это короткое слово остановило Николая сильнее, чем выставленный караул.

— Что вы сказали?

— Если послание рассчитано на вас, Ветров ждёт именно этого. Вы появитесь возле семьи и сами укажете ему цель.

— Они уже цель.

— Но пока он не знает, что мы обнаружили записку.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.